

Навел

Литеров

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО ИВАНА КУРАТОВА, чиновника особых поручений при Семиреченском генерал-губернаторе

Просматривая формулярный список И. А. Куратова, поражаешься, насколько были наполнены событиями последние годы его жизни. Усть-Сысольск, в котором судя по стихотворениям 1865 года тоже кипели страсти, теперь, в 1873 году, кажется тихим, уютным уголком родины, а здесь, в Туркестане, Куратов был в центре событий огромного масштаба, он понимал, что идёт гигантская работа по переустройству этого края, превращению его в часть России – это было и хорошо, и плохо одновременно. Хорошо, потому что в этот уголок планеты пришла империя, а с этим прекращались насилия, чинимые живущими здесь племенами и народами друг другу. Плохо, что вместе с империей пришли в край и болезни её бюрократической машины: казнокрадство, мздоимство, чиновпочитание, коррупция, делающие эту машину тяжёлой и неповоротливой. Куратов выполнял посильную ему работу, ему приходилось по делам службы сталкиваться с примерами самого тёмного невежества и бесправия среди местных народов, и тогда мысль об исторической неизбежности русской цивилизаторской миссии казалась ему оправданной, но ему приходилось сталкиваться, и довольно часто, также и с нечистоплотностью русских чиновников, взяточничество которых уже становилось «притчей во языцех».

Казахстанский краевед Н. П. Ивлев описывает случай, который произошёл с Чистопольским уже после смерти Куратова:

Один из судейских прислал В. И. Чистопольскому письмо из Лепсинска, где некогда проводил служебное расследование Куратов. Судья писал о трудности работы с такими представителями власти, как начальник уезда Фридерикс и чиновник Завьялов. Сообщал о низкой нравственности и взяточничестве. Он писал: «Эти люди постоянно и неуклонно практикуются "брать" во всех лицах и временах... не постыдились в 1874 году, именно Фридерикс и Завьялов, кинуть грязью и пустить клевету на покойного теперь Куратова, что будто бы он, бывши в Лепсе по одному следственному делу, взял у Султана Балсултанова (Так в подлиннике, очевидно, следует читать «Бексултанова». – П. Л.) взятку 300 рублей, тогда как этот покойный Куратов, не имея денег, перед выездом из Лепсы в г. Верный взял у меня 100 рублей. На днях пустили в ход... клевету и на мой счёт». Завьялов вскоре был снят с работы, переведён в Капал, а капальскому уездному начальнику губернатор области 14 августа 1876 года писал: «Чиновника Завьялова не допускать к исправлению обязанностей переводчика в делах туземцев» [1; 99].

Денежные затруднения Куратова в советском куратоведении признавались как нечто само собой разумеющееся – он ведь «младший чиновник», пусть и по особым поручениям. Но жалование его было не таким уж маленьким, в формулярном списке

указывается: «Жалованья в год получает 600 рублей, добавочного 150 рублей, столовых 600 рублей. Всего 1350 рублей». Это была немалая сумма по тем временам (для сравнения: жалование Куратова во время службы учителем духовно-приходского училища составляло 100 рублей годовых). И всё-таки денег не хватало. В отличие от своего друга Чистопольского и других чиновников, он не построил себе дом в городе Верном, не женился, не брал отпуск на родину – на это не было денег.

Вот цитата из книги Ивлева:

В 1873 год Иван Алексеевич вступил при полном безденежье. Сразу же после праздничных дней он письменно обращается в областное правление о выдаче ему авансом денег за январь месяц. Просьба удовлетворена. В феврале он снова просит авансом 200 рублей в счёт жалования за март, апрель, май, июнь месяцы. Ему не отказывают. В архивных материалах сохранился заполненный бланк ассигнований от 25 февраля, в котором «областное правление просит верненское казначейство отпустить младшему чиновнику особых поручений коллежскому секретарю Куратову впредь жалования... 200 рублей» [1; 67].

Причиной были, конечно, родственники, жившие в Зырянском крае. Об этом написал Лев Самарин в некрологе памяти Куратова: «Кто близко знал покойного, тому известно, что он большую часть своего содержания отсылал бедным родственникам своим, отказывая иногда себе в необходимом» [1; 146]. Не сохранилось писем и дневников Куратова, подтверждающих эту запись, но, вероятно, он отсылал деньги на содержание матери, а с 1871 года и на семью брата Афанасия. Дело в том, что в этом году Афанасия отстранили от службы ввиду его тяжёлой психической болезни, от которой он уже не излечился. На иждивении его жены, Фивеи Львовны, осталось семеро детей, старший из которых, Николай, учился уже в Вологодской семинарии и в 1874 году поступил в Санкт-Петербургский историко-филологический институт. Для духовного сословия было вполне естественным помогать сиротствующим родственникам, но Куратов пересылал родственникам гораздо больше, чем оставлял себе на жизнь. В итоге он почти всё время жил в долг, успевая только расплачиваться из полученного жалования с кредиторами. Но родственники считали его очень обеспеченным человеком.

Формулярный список

Временно управлял I-м отделением Семиреченского областного правления. От 09.02.1872 г. до 17.02.1873 г.

Приказом Его Превосходительства назначен прокурором полевого суда над бывшим волостным управителем Чалтыбаем Алпаровым. 24.04.1873 г.

Приказом Его Превосходительства назначен к временному исправлению должности начальника судебного отделения Семиреченского областного правления. 07.06.1873.

Исправлял эту должность по 13.11.1873 г.

Кроме прямых своих обязанностей назначен секретарём комитета по постройке собора в г. Верном. 21.10.1873 г.

По засвидетельствовании начальства об отлично усердной службе, Высочайше пожалован ему орден Св. Анны 3-й степени. 23.10.1873 г.

По предписанию ГИИ.Д. Туркестанского генерал-губернатора командирован в Лепсинскую станицу для производства дознания о причинах неявки сергиопольских киргиз на Бахтинский съезд ко времени разбирательства дел их с киргизами зайсанскими и о злоупотреблениях по службе младшего помощника Сергиопольского уездного начальника Султана Бексултанова, по покровительству его барантчан. 1874 г.

По окончании сего поручения и предписанием и.д. губернатора Семиреченской области командирован в Токмак для производства следствия о растрате казённых сумм чиновником Уровым. 1874 г.

Командирован в Борохудзирский отряд и г. Кульджу для производства следствия о злоупотреблении уездного судьи барона Гревеница.

По распоряжению Туркестанского генерал-губернатора назначен на должность младшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области. 04.02.1874 г.

По всем этим делам, производство которых вёл Куратов, можно написать главы приключенческого романа, где, однако, не будет погонь и стрельбы, но будет кропотливая работа следователя, будет немало раскрытых тайн, стоивших кому-то служебной карьеры, а кому-то восстановивших честь и достоинство.

Пожалуй, самым резонансным делом Куратова, слух о котором докатился до служебных кабинетов императорской канцелярии, стало дело штабс-капитана Эмана, связанное с делом о злоупотреблениях барона Гревеница. Впервые это дело на материалах Архива Казахстана рассматривала А. Н. Фёдорова, затем, достаточно подробно, с привлечением документов Ташкентского архива, изучил А. К. Микушев, а после них уточнил некоторые детали Н. П. Ивлев. Нам остается только «свести» воедино приводимые ими материалы этого последнего дела Куратова.

Штабс-капитан Эман, командир 11-го Туркестанского линейного батальона, дислоцированного в укреплении Борохудзир, слыл человеком храбрым. В феврале 1872 года ему поручили перевозку казённых денег в сумме 5800 рублей из Борохудзира в Кульджу, и, видимо, его попутал бес: он инсценировал нападение на себя киргиз и калмыков-кочевников и завладел деньгами.

На место происшествия был командирован уездный судья 1-го участка г. Верный титулярный советник барон Евгений Гревениц, установивший, что отряд казаков нашёл капитана Эмана и рядовых Рычкова и Одинцова ограбленными на берегу речки Усе, нашли также некоторые вещи пострадавших: револьвер, две подушки, папаху, саквояж, несколько патронов, порох в мешках, шинель и т. п.

Вскоре были арестованы тридцать киргизов и калмыков, подозреваемых в ограблении. Арестованные признались в совершении ограбления, но деньги найдены не были. Однако вскоре стало известно, что Гревениц на допросах применял пытки, а штабс-капитан Эман буквально сорит деньгами, хотя раньше их у него не бывало. Под давлением общественного мнения дело Эмана было передано аудитору Петрову, установившему, что калмыки и киргизы, арестованные бароном, невиновны, что барон Гревениц применял к ним жесточайшие пытки. В ответ на это барон пишет рапорт на имя исполняющего должность военного губернатора Россицкого, в котором убеждает его в предвзятости расследования аудитора Петрова. Он фактически обвиняет Петрова в излишней снисходительности к арестованным, квалифицируя свои действия как «излишнюю строгость». Барону удалось добиться своего: аудитора Петрова отстранили от следствия. Причём документы показывают, что и. о. военного губернатора Россицкий в докладе и. о. генерал-губернатора Колпаковскому пишет о «злоупотреблениях» не Гревеница, а самого аудитора Петрова: это Гревениц «просит распоряжения обязать коллежского секретаря Куратова расследовать злоупотребления Петрова, бывшие главной причиной изменения добытых следователем доказательств ограбления Эмана».

Но Куратов, как только ознакомился с делом, сразу понял справедливость обвинений Петрова, предъявленных им Гревеницу. Куратов пишет рапорт об отстранении барона от должности судьи, но Россицкий старается всё же выгородить барона, а когда преступления барона были уже доказаны, то в рапорте Колпаков-

скому просит перевести Гревеница за пределы Семиречья, сохранив ему должность уездного судьи: «Меру эту я нахожу более необходимой, что, по другому донесению Куратова, барон Гревениц обвиняется в преступлениях и незаконных действиях и хотя не сознается в важнейших из них, но, по словам следователя, на многие случаи незаконных действий его есть достаточно улик или свидетелей» [3; 13]. Штабс-капитан Эман, объявленный мошенником, нашёл в себе мужество застрелиться.

Обвинения Куратова в адрес барона Гревеница взорвали Туркестанскую общественность. Такого ещё не бывало не только в Туркестане, но и вообще в Российской империи: обвиняли в служебных злоупотреблениях не простого чиновника, а уездного судью, сына сенатора, особы, приближённой к самому императору. Колпаковский даёт распоряжение по своей канцелярии отыскать соответствующие преступлению барона статьи в «Уложениях о наказаниях». Ответ был составлен 3 октября 1874 года: «Когда же при следствии употреблены были истязания и жестокости при исправлении должности – ссылка на житьё с лишением всех прав и преимуществ и даже лишение всех прав состояния и ссылка на каторжную работу на заводах в тех случаях, если вследствие исторгнутых какими-либо истязаниями и жестокостями ложного показания невинный был повергнут лишению всех прав состояния». В докладе канцелярии доказательства Куратова получили полное подтверждение и поддержку: «...следователь по делу барона Гревеница может принять против него высшую из указанных в законе мер к пресечению обвиняемому способов уклониться от суда и следствия». Доказательства виновности барона, приводимые Куратовым, были настолько убедительны, что не вызвали сомнений ни у местного начальства, ни у Общего присутствия при Семиреченском областном правлении, где обсуждался рапорт барона Гревеница и. о. губернатора Россицкому, выдвигающего обвинения в предвзятости следствия теперь уже против Куратова.

Между тем Куратов был уже серьёзно болен. Дело Гревеница оказалось исключительно трудным не только по рутинным следственным мероприятиям, но и по противодействию, которое оказывало на следствие окружение барона и некоторые высшие чины. Даже позиция Россицкого была очень осторожной, если не двусмысленной. Болезнь Куратова усугублялась более этим психологическим воздействием, когда аргументы вроде бы неопровержимы, но само дело не движется, ему не дают хода. А окружение барона распространяет клеветнические слухи о самом Куратове. В первых числах января 1875 года Колпаковский вызывает Куратова в Ташкент с докладом по делу Гревеница. Материалы дела по расследованию преступлений Эмана и Гревеница выросли уже до толстенных семи томов, и эти семь томов надо было уложить в связный аргументированный доклад генерал-губернатору. 4 января 1875 года Россицкий телеграфирует Колпаковскому: «Куратов болен, но выехать готов. Доклад Правлению от дела Эмана уже подходит к концу, через две недели будет готов с моим мнением. Я полагаю бы тогда, не прерывая теперь составления доклада, командировать Куратова с журналом правления. Исполнить раньше невозможно, дело сложное, жду приказаний. Гревеница также после определения правления отправлю к исполнению новой обязанности. Россицкий». Но в тот же день из Ташкента приходит новая телеграмма с требованием командировать Куратова. 5 января Россицкий телеграфирует в Ташкент: «Прикажете: с делом или без дела командировать Куратова. В первом случае остановится рассмотрение; Куратов помнит дело хорошо, но без фамилий прикосновенных и свидетелей. Благоволите приказать перевести кредит на содержание барона Гревеница, который в крайности. Россицкий». 6 января Россицкий шлёт уже следующую телеграмму:

«Согласно приказания Его Превосходительства и. д. Туркестанского генерал-губернатора, изложенного в телеграмме от 5 сего января, коллежский секретарь Куратов командирован в г. Ташкент курьером. Прогонными деньгами Куратов удовлетворён только до Ташкента на три лошади, суточными же деньгами на месяц вперёд в количестве 90 рублей. О чём считаю долгом уведомить канцелярию и. д. губернатора, его помощник Россицкий».

Поездка была не из лёгких. От Верного до Ташкента 800 вёрст. Курьером – это значит ехать без сна и отдыха четверо суток на санях по зимней степной дороге в жуткий январский холод. Неизвестно, сколько времени пробыл Куратов в Ташкенте. По всей видимости, Колпаковский выслушал пункты обвинения Куратова и обсудил вместе с ним фактуру будущего отчётного доклада. Необходимо было составить его с максимальным вниманием, аргументировать каждый вывод, обосновать фактами – читать его будут не только в Верном, но и в Петербурге. Куратов вернулся из поездки в начале февраля совсем больным. Работа над докладом приостановилась, и Россицкий подключает к работе Аристову. Колпаковский одобрил решение Россицкого телеграммой и задал вопрос: может ли Гревениц продолжать службу в Семиречье? И получил ответ: нет, не может пользоваться доверием ни подсудимых, ни администрации как следователь и как судья – слишком скомпрометировал себя.

26 марта доклад был зачитан на собрании Общественного присутствия областного правления Семиречья. В протоколе собрания, в частности, говорится о тенденциозности подхода Гревеница к следственным делам. А. К. Микушев приводит обширную цитату из этого протокола: «Путаясь в лабиринте недоумения, барон Гревениц делает вывод, что ограбление штабс-капитана Эмана не могло совершиться без ведома и содействия Барохудзирского волостного управления и калмыцкого старшины, которых он, по этому соображению, и арестовал. Не объяснены цели разбрасывания вещей, из коих многие по своей ценности и малому объёму легко можно было бы взять наравне с деньгами. Если грабители взяли солдатский штык, то почему не взяли револьвера? Если взяли ножик, то почему не взяли часов? Зачем тратили время на разбрасывание вещей? Зачем не сожгли конверты от денежных пакетов и писем? Обо всём этом следователь не старался узнать, как будто это не представляло загадки. Следователем не обращено внимания на то обстоятельство, что патроны вместе со многими другими вещами были найдены казаками на месте ограбления. Если Чулунгуру нужны были патроны, зачем он взял один, а не все?» Как отмечает А. К. Микушев, с особым гневом обрушивается Куратов на барона за применение пыток, саркастически замечая: «Что касается мнения следователя о привычке калмыков к пыткам, то из его собственных слов видно, что такое заключение делает он из исторических своих познаний». Даже в записи протокола слышится убийственная ирония Куратова, та самая ирония, против которой протестовал Гревениц в своем письменном обращении к Россиickому, называя стиль Куратова «буколическим»: «Писавший вопросы в буколическом стиле, вопреки 70 ст. судеб. след. позволяет себе писать иностранные слова и, превышая власть, забывая, что он следователь, а не судья, так что высказывал в простых пунктах приговор надо мною, над старшим...» [3; 17]

Копия доклада ушла к Колпаковскому 5 апреля 1875 года, наконец, в июне 1875 года вышел доклад по канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, в котором, как отмечает Микушев, «вполне решительно и твёрдо» говорилось: «По вопросу об освобождении содержащегося в тюремном замке бывшего судьи барона Гревеница на поручительство канцелярии со своей стороны имеет честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что в третьем пункте высочайше утвержденная в 1867 году и вошедшая с дополнением к приложению к ст. 6. т. XV кн. II. по продолж.

1868 года правил относительно пресечения обвиняемым уклониться от следствия и суда, постановлено: «В тюрьме содержатся все обвиняемые в преступлениях, по которым определяется лишение всех прав состояния, или же потеря всех особенных как лично, так и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылка на житье в Сибирь или иные отдаленные губернии, или же отдача в исправительные арестантские роты гражданского ведомства или в рабочий дом, особенно когда подсудимые осуждены в первой степени суда.

Барон Гревениц, между прочим, обвиняется и в таких преступлениях, за которые по закону полагается лишение всех прав состояния и ссылка в Сибирь... Закон предусматривает одну обязательную меру – личное задержание именно в тюрьме и исключает возможность, руководствуясь какими то ни было другими мотивами, кроме важности преступления, применять какую-либо другую меру, в особенности же мера эта становится неизбежною ввиду того обстоятельства, что Гревениц уже предан суду и, следовательно, виновность его представляется менее сомнительной» [3; 26].

Эта обширная цитата указывает, что никто во всём Туркестане не усомнился в виновности Гревеница, и вся общественность ожидала правого суда. Но всё случилось, как это часто бывает в России. 19 июля 1875 года военный министр Милютин телеграфирует из Петербурга в Ташкент генерал-губернатору Кауфману: «Не признаёте ли возможным ускорить дело барона Гревеница, родные в отчаянии». Кауфман телеграфирует в ответ: «Господину Военному министру. Часть переписки по делу Гревеница находится в Верном. Примем все меры по его ускорению». Ускорение в данном случае предполагало фактическую ликвидацию дела. Сенатор Гревениц телеграфирует Кауфману: «Умоляю о скорейшем решении участи сына, который без Вас погибнет. Подробности письменно уже услааны». Кауфман принял все надлежащие меры. Младшего барона Гревеница перевели в Ташкент. Уже после смерти Куратова в 1878 году вышло такое постановление: «Во внимание долголетней и особо полезной служебной деятельности сенатора барона Гревеница подвергнуть осуждению сына его титулярного советника барона Евгения Гревеница взамен определенного ему наказания по закону аресту на гауптвахте в течение трех месяцев с тем, чтобы означенный арест не служил препятствием получению им преимуществ, представленных за безупречную службу, и освобождением при том барона Евгения Гревеница от уплаты судебных по делу о нем издержек» [4; 41].

Вот так закончилось это резонансное дело. Пострадавшей стороной, как это часто бывает, оказался не обвиняемый Гревениц, а его обвинители: Куратов уже не смог выправить своё здоровье, несмотря на предоставленный ему для лечения отпуск.

24 октября 1875 года Куратов окончательно слёг в постель и уже не выходил из дома. 17 ноября пришёл священник Алексей Бенедиктов. Причастил и принял исповедь. В ночь на 18 ноября пошла горлом кровь, и Куратов скончался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивлев Н. П. Куратов в Казахстане. Сыктывкар, 1981.
2. Л. С-т. Некролог // Куратов И. А. Ты бесконечна, жизнь. Сыктывкар, 1988.
3. Микушев А. К. Последние годы жизни Ивана Куратова // Куратовские чтения: Сб. Т. 2 / Отв. ред. А. К. Микушев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976.
4. Микушев А. К. Поэт в Семирежье // Куратовские чтения: Сб. Т. 1 / Отв. ред. А. К. Микушев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973.

